

Constitutional and legal systems of the modern world: experience of comparative analysis

Roman A. Romashov

*Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation*

In the introductory part of the work, the problem is stated; its relevance, theoretical and practical significance is clarified; the object and subject, goals and objectives of the study are determined; the analysis of scientific research is carried out, and also the prospects for development in the direction indicated by the chosen topic are shown.

In the main substantive part of the article, a theoretical analysis of the concepts of a constitution and a constitutional legal system is carried out, with their subsequent extrapolation to the practice of constitutional construction in countries belonging to the main legal families of the modern world. Particular attention is focused on the features of the modern Russian constitutional and legal system, which the author refers to a transitional type.

In conclusion, the results are summed up and generalizing conclusions are made, the main of which is a statement of the determination of constitutional and political-legal systems. The latter, in turn, are represented by a combination of not only formal legal (formal sources of national law, institutions of state power), but also substantive (political and legal relations, legal consciousness) factors that have a decisive influence both on the perception of the phenomenon of the constitution and on its definition. places and roles in the national legal system.

Key words: the state, the state-legal system, the basic law, the constitution, the separation of powers, the diarchy of state power, national law.

For citation: Romashov, R.A. (2022). Konstitucionno-pravovy`e sistemy` sovremen-nogo mira: opy`t sravnitel`nogo analiza (stat`ya 1) [Constitutional and legal systems of the modern world: experience of comparative analysis]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 1 (67). pp. 19–32. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_1_19

Введение

В современной российской юриспруденции воспринимается в качестве устоявшейся проблематика понимания общеправового массива как совокупности интернациональных общностей – правовых семей за основу формирования, структурирования и функционирования которых принимается формальный метод, в соответствии с которым право – это совокупность статичных юридических форм (источников) и динамических процессов правотворческой и правореализационной деятельности [7, с. 21]. Не ставя перед собой задачу в рамках предлагаемой статьи поддерживать, либо, напротив, критиковать обозначенный подход, полагаем

возможным констатировать его конструктивизм исключительно в области теоретико-правового познания юридической реальности. Говоря об отраслевой и прикладной юриспруденции, следует признать факт своего рода «отстраненности» данных направлений исследовательской деятельности от общетеоретических моделей государства и права. Получается, что теория правовых систем (семей) не экстраполируется на практику их воплощения, что само по себе является проблемой, нуждающейся в разрешении.

В рамках предлагаемого цикла статей предпринимается попытка рассмотреть конституционно-правовые системы, сложившиеся на различных исторических этапах политико-правового развития и сохранившие свою функциональность вплоть до настоящего времени.

Объектом исследования является сама конституционно-правовая система, представляющая собой одновременно институциональную (материальную) конструкцию и совокупность общественных отношений в сфере конституционного правотворчества и конституционной правореализации.

В качестве предмета рассмотрения выступает комплекс проблемных аспектов, связанных с пониманием и структурированием формальных конституций как базовой основы конституционно-правовых систем современного мира, а также характеристикой избранных систем, представляющих, на наш взгляд, наибольшее значение как для теории, так и для практики конституционных правоотношений.

Целью работы является комплексный историко-теоретический и сравнительный анализ научных подходов к пониманию и типологизации конституций и конституционно-правовых систем. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда задач, к числу наиболее значимых среди которых следует отнести:

- определение понятий феноменов «конституция» и «конституционно-правовая система», выяснение особенностей их соотношения;
- выделение критериев типологизации конституционно-правовых систем, с последующим представлением идентификационных типов;
- осуществление характеристики конституционно-правовой системы современной России в контексте сопоставления тенденций глобализации, регионализации и национализации.

В ходе работы над статьей были проанализированы отечественные и зарубежные конституционные акты, а также работы исследователей

(К.В. Арановского, А.А. Векшина, Н.В. Витрука, В.Д. Зорькина, С.В. Кабышева, И.А. Конюхова, В.Н. Майсак, А.Н. Медушевского, Т.И. Ряховской, В.М. Шадрина, С.М. Шахрая и др.), в которых затрагиваются различные аспекты исследуемой проблематики.

Отмечая проработку отдельных проблемных вопросов, имеющих отношение к заявленной теме, следует констатировать практическую неисследованность феномена «конституционно-правовая система» в отечественной теоретической и отраслевой юридической науке. В ходе предварительного анализа источниковой базы была обнаружена только одна публикация, а именно статья С.В. Кабышева «О конституционно-правовой системе Канады» [2, с. 11–23], причем в аннотации к статье сам автор говорит не о конституционно-правовой, а о правовой системе Канады, не акцентируя тем самым внимание на вышеназванной системной конструкции. Предлагаемый цикл статей представляет собой попытку восполнения существующей лакуны.

Конституция как юридическая форма права и историко-культурное явление

Точно так же, как для общей теории права основополагающим вопросом является определение права как юридической категории и социально-культурного феномена, для отраслевой науки конституционного права первоочередной задачей выступает определение конституции.

По мнению С.М. Шахрая, «скромно» именующего себя человеком, «написавшем Конституцию эпохи Ельцина и Путина» [12], конституция – это одновременно «ядро согласия», процедурный документ, «план будущего» для России [13, с. 5]. Еще вспоминается, когда на проводимой в МГУ конференции посвященной 10-летию Конституции, на вопрос из зала о том, почему столь позитивно оцениваемый «Основной» закон, не привел к столь же позитивным изменениям в жизни российских граждан, Сергей Михайлович, образно сравнил Конституцию «новой» России с автомобилем марки «Мерседес», продвижению которого по бескрайним просторам нашей великой Родины мешают две извечные национальные проблемы: дураки и дороги. Профессор М.Н. Марченко, выступавший сразу после С.М. Шахрая, весьма остроумно напомнил «автору эпохальной конституции», что в советской и постсоветской России никогда не производили «Мерседесы», что же касается отечественных «Москвичей» и «Жигулей», то они нуждались в серьезной адаптационной переподготовке непосредственно после схода с конвейера.

Итак, что такое конституция? Т.И. Ряховская, проанализировав многочисленные подходы к пониманию конституции в трудах отечественных и зарубежных правоведов, полагает возможным объединить их в две группы: материальную и формальную. В рамках первой (материальное понимание), конституция «есть юридическая норма (точнее, система юридических норм – прим. авт. Р.Р.), определяющая форму правления и основные черты государственного строя» [8, с. 204]. В свою очередь в рамках формального представления конституция представляет закон (комплекс законов) «для издания, отмены или изменения которых недостаточно так называемого законодательного пути, но которые издаются при соблюдении особых правил и форм, предписанных специально для издания конституционных законов, затрагивающих самые важные устои государственного строя» [8, с. 204]. При этом «как с материальной, так и с формальной стороны конституция является нормой высшего достоинства и силы. Конституция стоит над законом, она выше его» [8, с. 204].

Не пытаясь оспаривать приведенную точку зрения, следует вместе с тем обратить внимание на фактическое противопоставление закона и конституции. Если признать, что Конституция «стоит над законом», то что же такое сама конституция? Получается, что мы вернулись к исходной точке. Постараемся разобраться. Прежде всего, следует ответить на вопрос о том, следует ли отождествлять конституцию с документальной формой. Конституционная практика свидетельствует о том, что возможны два варианта ответов.

В рамках американской конституционной традиции понимание конституции сводится к единому (писаному) документу, провозглашающему основы государственного устройства и закрепляющему главенствующие принципы соотношения и взаимодействия государства, общества, личности. Именно такое понимание конституции перебравшись из Америки в Европу, а потом распространившись по всему миру, воспринимается в настоящее время в качестве традиционного.

Вместе с тем в Великобритании, признаваемой многими исследователями родиной конституционализма [4], понимание закона вообще и конституции в частности осуществляется в рамках парадигмы «common law» (объединенного/союзного закона), основанной на формальном равенстве источников британского права (парламентских статутов, судебных преце-

дентов и доктрин, нормативных договоров). В таком понимании конституция – это изменяющийся во времени комплекс правовых актов, основывающихся на национальной конституционно-правовой традиции и объединяемых ей.

Получается, что по своей юридической форме конституция может быть представлена как единым нормативно-правовым актом, так и комплексом (системой) документов различных видов. Главным отличительным свойством, характеризующим конституцию при обозначенной возможности видовой разницы, на наш взгляд, является ее (конституции) функциональность задающая направления конституционно-правового воздействия на государство и общество. Целями такого воздействия являются:

- закрепление базовых параметров государственного и общественного устройства;
- определение формы государственного правления и механизма легального транзита высшей государственной власти;
- закрепление системы разделения властей и механизма сдержек и противовесов, препятствующих монополизации властных полномочий в одном государственном органе;
- гарантирование прав человека и гражданина как первичного института права и главной правовой ценности.

Естественно, что сам факт закрепления вышеперечисленных функций на конституционном уровне не означает их фактической реализации. Как известно, недостаточно иметь «хорошие законы» для того, чтобы закрепляемые в них положения получили практическое воплощение, однако и приуменьшать их значение для процесса правовой эволюции также не следует.

В российской государственно-правовой традиции отношение к конституции носило весьма неоднозначный характер. В императорской России конституция воспринималась как продукт буржуазных преобразований, следствием которых стали разрушенные монархии (Франция) и «отвалившиеся» от метрополии колонии (США). Вполне естественно, что апологеты монархической формы государственного правления относились к самой идее конституции как к антигосударственной. Александр III на проекте весьма сдержанной «Конституции Лорис-Меликова» собственноручно начертал: «Слава Богу, этот преступный и спешный шаг к конституции не был сделан...» [1].

Советское государство, провозгласив конституцию Основным законом, наполнило его качественно отличным от буржуазных аналогов содержанием. Свое пренебрежительное отношение к буржуазной конституции высказал «вождь мирового пролетариата» В.И. Ленин: «Что такое конституция? Бумажка, в которой записаны права народа. В чем гарантия действительного признания этих прав? В силе тех классов народа, которые осознали эти права и сумели добиться их» [3, с. 54]. В качестве обособленного раздела в первую советскую писаную Конституцию 1918 г. была включена «Декларация прав трудящегося и угнетаемого народа», автором которой являлся непосредственно В.И. Ленин [10].

Противопоставление советской и буржуазной конституций, представлявших собой квинтэссенцию систем социалистического и капиталистического государства и права, было обусловлено формационным конфликтом, неизбежную победу в котором должна была в итоге одержать «страна победившего социализма», выступавшая в качестве передового форпоста на пути к построению Мировой Советской Социалистической Республики (Конституция СССР 1924 г.).

Советская социалистическая государственно-правовая система представляла собой диархическую конструкцию, в структуре которой были представлены две ветви государственной власти: советская и партийная. Во всех конституциях советского периода определялось, что полнота государственной власти в РСФСР (СССР) принадлежит равноуровневым советам народных депутатов, начиная с местных и заканчивая Верховным. Однако на практике власть сосредотачивалась у представителей партийной элиты, «замкнутой» в своей организации и функционировании на Политбюро ЦК КПСС, члены которого обладали по сути абсолютной полнотой власти в Советском государстве. Наличие фактического двоевластия, обуславливало сосуществование двух «основных законов»: государственного (конституция) и партийного (программа), не противоречащих друг другу, однако и не совпадающих по своим функциональным характеристикам. Советские конституции были призваны выступать в качестве своего рода «вех» социалистического строительства, фиксирующих пройденные этапы и являющих собой документы, отражающие главные явления и события в жизни страны, имеющие место на настоящем историческом этапе. Партийные же программы были обращены в будущее и имели своей главной целью «стратегический

прогноз» продвижения к «окончательной победе коммунизма». Соотношение конституции с партийной программой обозначил И.В. Сталин в своем докладе, посвященном проекту Конституции СССР 1936 г. Было отмечено, что «между программой и конституцией имеется существенная разница. В то время как программа говорит о том, чего ещё нет и чего надо добиться, что нужно завоевать в будущем, конституция, наоборот, говорит о том, что уже есть, что уже добыто и завоёвано. Программа касается главным образом будущего, конституция, наоборот, касается, главным образом, настоящего, того, что уже добыто и закреплено» [8]. Показанные особенности соотношения конституции и партийной программы имели место на всех этапах истории Советского государства, за исключением периода системного кризиса 1988–1991 гг., когда резкое «обрушение» партийного авторитета и делигитимация Коммунистической партии как специфического органа государственной власти обусловила столь же резкое «возвышение» роли конституции как закона, способного в реальности изменить государственный строй. Именно с идеализацией конституции был связан процесс внесения в нее многочисленных поправок, призванных адаптировать советский Основной закон к антисоветской политико-правовой риторике и практике.

Крушение социалистической политико-правовой системы, последовавшее непосредственно после «самоликвидации» СССР, обусловило трансформацию биполярного мира в мультикультурный. При этом оказалось, что завершение формационного конфликта, последовавшее в результате «политической смерти» одного из его участников, не привело к установлению «мира во всем мире». На смену противодействию капитализма и социализма, пришло не менее острое противодействие России с «коллективным Западом». Причем в структуру последнего вошли (бывшие страны «народной демократии», прибалтийские республики), либо стремятся войти (Грузия, Молдавия, Украина), в не столь далеком прошлом выступавшие в качестве «союза нерушимого республик свободных, сплоченных навеки Великой Русью», однако на сегодняшний день воспринимаемые на официальном уровне в качестве «недружественных партнеров».

В сложившейся ситуации понимание конституции вновь становится неоднозначным. С одной стороны, в первой главе получают свое закрепление так называемые «общечеловеческие ценности» (правовое демократическое государство, приоритет прав человека, система разделения

властей, идеологический плюрализм, рыночная экономика и т. п.), что позволяет говорить о действующей российской Конституции как о «представительнице» западного буржуазного конституционного концепта, с другой стороны, в Конституции, особенно в связи с внесенными в 2020 г. поправками явно прослеживается уклон в обозначение приоритета национальных (государственных) ценностей по отношению к международным («общечеловеческим»). Об «отдельности» российской цивилизации, неоднократно заявлял Президент РФ В.В. Путин [5]. Как тут не вспомнить известные строки Ф.И. Тютчева: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...» [11].

Уникальность российской национальной культуры, в основу которой, опять таки по утверждению В.В. Путина, положена идея национального патриотизма как особого свойства ментальности русского народа, складывающегося из чувства любви к своей стране и одновременного долга по отношению к ней [6], обуславливает возможность выделения отличной от других и автаркичной в своей национальной идентичности российской правовой системы. При таком подходе сущностное понимание действующей российской Конституции как «Основного» государственного закона достаточно близко к пониманию Основных государственных законов Российской империи 1906 г., которые по своей структурно-содержательной характеристике были ничем иным, как первой российской кодифицированной писаной Конституцией.

Основное сходство современного и имперского «основных» законов заключается в полноте власти персонифицированной главы государства, выступающего в качестве «центра публичности» и сосредотачивающего в своем лице прерогативы, связанные с формированием и функционированием властных структур, а также с определением направлений внутренней и внешней политики Российского государства. Отличие в легитимационной основе власти главы государства: императорская власть осуществляется от имени Бога, президентская власть – от имени народа, не имеет существенного значения, поскольку и Бог, и Народ выступают в качестве метафорических конструкций, получивших на сегодняшний день конституционное закрепление, однако не имеющих субъективных форм и в силу этого являющихся абстрактными умозрительными конструкциями.

С одной стороны, представление о едином Боге, веру в которого передали «предки», сочетается с характеристикой России как светского

многоконфессионального государства в котором допускается как вера в Бога, так и неверие – безбожие (атеизм). С другой стороны, наряду с представлением о народе Российской Федерации как о коллективном «мы» - носителе суверенитета и источнике государственной власти (преамбула, ст. 3 Конституции РФ), закрепляется конструкция «государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации». О том, как соотносится государствообразующий народ с многонациональным народом (или все-таки с многонациональным союзом равноправных народов) Российской Федерации, действующая Конституция не уточняет.

Проведенный понятийный анализ позволяет говорить о том, что термин «конституция» может наполняться различным смысловым и функциональным содержанием, что исключает возможность сведения его к единой «универсальной» дефиниции.

Отмечая полисемичность конституции как формальной юридической конструкции и специфического явления национальной правовой культуры, вместе с тем следует отметить, что независимо от того, какой смысл вкладывают исследователи в определение формальной конституции, все они едины в том, что данное понятие представляет собой системный комплекс, в структуру которого входят поведенческие и специализированные, публичные и частные, материальные и процессуальные нормы, в комплексе образующие своеобразную квинтэссенцию национальной правовой системы.

Заключение

Подводя итог осуществленному в рамках предлагаемой статьи понятийному анализу категорий «конституция» и «конституционно-правовая система», представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Конституция в современном ее понимании представляет собой «продукт» эпохи буржуазных преобразований, которые в свою очередь явились следствием перехода общества от «культуры земли» к «культуре индустрии» (Э. Тоффлер). Представляя собой своего рода программу буржуазно-демократического развития, конституция продемонстрировала возможности как конструктивного (Конституция США 1787 г.), так и деструктивного (Конституции Франции и Польши 1791 гг.) влияния на организацию и функционирования соответствующих государственно-правовых систем. Дихотомия подобного рода не позволяет говорить о